

Татьяна Фильченкова

ИСЧЕЗНУВШИЙ ДОМ



Татьяна Владимировна Фильченкова

Исчезнувший дом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69272035

SelfPub; 2024

Аннотация

Летним воскресным утром в городе Былинске пропал дом вместе с жильцами. Уцелели только восемь человек: двое подростков, учительница, одинокая мать, домохозяйка и молодая семья с сыном. непохожих людей теперь объединяет общая беда. Куда делся дом , и что ждёт выживших?

Татьяна Фильченкова

Исчезнувший дом

Римма Генриховна толкнула подъездную дверь и вышла во двор. Посмотрела на балкон третьего этажа и крикнула сидящему там в коляске мужчине:

– Доброе утро! Алексей, я в магазин. Вам купить чего?

– Доброе, Римма Генриховна! Если только к чаю чего-нибудь. Сегодня дочь с зятем приедут, продукты-то привезут, но неудобно с пустым столом встречать.

– Хорошо, Лёш, я только голубей накормлю и схожу.

– Кормите, мне не торопно.

Двор огласил визгливый лай. Из подъезда выскочили два тойтерьера. Они упирались в асфальт тонкими дрожущими лапками и вытягивали за собой на поводках внушительное пастельное облако. Облако подняло поля бледно-жёлтой шляпки, открывая очки в розовой, под цвет к ажурному кардигану, оправе и проворковало:

– Риммочка Генриховна, с добрым утречком. Вы гулей кормить? А мы на прогулку вышли.

– Доброе, Эльвира Прохоровна, – сухо поприветствовала соседку Римма Генриховна. – Так идите, а то распугаете мне птиц.

Однако облако никуда не торопилось. Оно нависло над Риммой Генриховной:

– Ну что вы, Моника и Бриджит будут хорошо себя вести. Скажите, Риммочка, вы не знаете, когда покрасят наш дом? Всё-таки элитный район, и такой непрезентабельный вид.

– Понятия не имею. – Римма Генриховна сосредоточенно крошила хлеб.

– На меня эти серые стены наводят тоску. Они дисгармонируют с нежными красками начала лета. Только представьте...

Что следовало представить, Римма Генриховна так и не узнала: едва затихшие Моника и Бриджит захлебнулись в новом приступе лая и спрятались за слоновьими лодыжками хозяйки. Мимо невозмутимо шествовал лохматый «немец».

– Вероничка, как можно выгуливать во дворе такую опасную собаку? – накинулась Эльвира Прохоровна на девушку, держащую на поводке страшного пса.

– Он в наморднике, – спокойно ответила Вероника.

Эльвира Прохоровна не унималась:

– Этот волкодав и лапами человека свалит, не говоря уже о детях. Идите на пустырь!

– Граф на кого попало лапы не ставит, – парировала Вероника. – И мы никуда не уйдём: у меня здесь встреча.

Граф с хозяйкой отошли в траву за парковкой. Эльвира Прохоровна злобно зашипела:

– Нет, вы видели? Какая хамка, а ещё из приличной семьи.

Поток возмущений оборвался, как только во дворе появились молодые родители с мальчиком лет пяти и направились

к парковке. Эльвира Прохоровна натянула радужную улыбку:

– Куда это вы так рано? Опять на занятия своего маленького гения повезли?

– Нет, – ответил мужчина. – Мы, Эльвира Прохоровна, дачу в сосновом бору купили. Рядом с озером. Домишко, правда, разваливается. Вот едем смотреть, что для ремонта нужно.

– Когда же вы всё успеваете? Дача – такие хлопоты.

– А куда деваться? – вступила женщина. – Для работы мозга кислород необходим. Вот приведём в порядок, и всё лето там с Мишенькой жить будем. И зимой по выходным. Ему астролог для стимуляции мыслительной деятельности советовал ближе к соснам держаться.

– Какие вы молодцы. Всё ради ребёнка. Это какая самоотверженность нужна, чтобы вундеркинда вырастить, – со сладким восхищением выговаривала Эльвира Прохоровна. Только дачники сели в автомобиль, её губы презрительно скривились. – Носятся со своим рахитиком. Мишенька... В честь Ломоносова назвали. Чтобы гения вырастить, в Москву надо ехать, а не в Былинске прозябать. Вот мы Толика в Англию учиться отправляли. Риммочка, вы же педагог, скажите, разве у нас достаточный уровень образования?

– Кому надо, тот везде выучится, – ответила Римма Генриховна, не отрываясь от голубей.

Дверь подъезда снова открылась. Худая женщина с

небрежно заколотыми волосами выкатила детскую коляску.

– Ах, Оленька! – заворковала Эльвира Прохоровна. – Как малыш? Молодая мамочка, тоненькая, свеженькая.

– Не льстите. Какая там свежесть с бессонными ночами, – устало отозвалась Ольга.

– Ну, что ты! Сколько тебе? Под пятьдесят? А выглядишь как девочка.

– Сорок два, Эльвира Прохоровна. А с Антошкиными полуночными концертами меня скоро за вашу ровесницу принимать будут. – Оставив коляску, Ольга подошла к Римме Генриховне: – Не выручите сегодня? Мне хотя бы пару часов. Завтра отчёты сдать надо, а сын ничего делать не даёт.

– Конечно, приноси. Я только в магазин и весь день дома буду.

– Спасибо. Мы часок погуляем и к вам.

Как только Ольга отошла, Эльвира Прохоровна фыркнула ей в спину:

– Какая страшная стала. Детей вовремя рожать надо, а не от безысходности под старость. Сама виновата, всё карьеру делала. Вот для меня всегда семья на первом месте была. Потому и живу в любви и обожании.

Хлопнула подъездная дверь. Инвалид на балконе оживился:

– Максим, ты на рыбалку никак?

Паренёк лет шестнадцати задрал голову:

– Здравсти, дядь Лёш. Не, дела у меня.

– Эх, какие дела в такую погоду! Я бы на твоём месте на рыбалку пошёл.

Макс рассмеялся:

– Я бы и сам пошёл, но не могу. Дядь Лёш, в следующие выходные отвезу тебя к озеру, честное слово, а сейчас, извини, дела.

Эльвира Прохоровна натянула улыбку:

– Максимушка, на работу бежишь? Помощник.

– Какая работа, тётъ Эл? Воскресенье. – Заметив Римму Генриховну, Макс остановился: – Здравствуйте! Я помню про розетку, вечером зайду с инструментом. Раньше никак – дела. Важные.

– Спасибо, Максим. Мне не к спеху.

Макс махнул рукой и побежал к девушке с собакой.

– Мальчик школу ещё не окончил, а работать вынужден. Куда деваться, если отец алкаш? Вон как одет, у моего Толика даже для дачи вещи получше были. Риммочка, это же ваш ученик? Как школа допускает такое?

– Что школа сделать должна? Одеть его в последних тенденциях моды?

– Ну, может, благотворительный сбор устроить. Нельзя же так. И это в нашем элитном районе. Ума не приложу, как их семье дали здесь квартиру.

– Так же, как и нам с дочерью, по программе переселения из ветхого жилья. – Римма Генриховна отряхнула хлебные крошки с одежды. – Пора мне, а то Алексей заждался уже,

и Ольга скоро вернётся.

– Риммочка, вы в магазин? Купите мне хлеба в пекарне, бездрожжевого. Только я вам позже переведу, не беру карточки с телефоном на прогулки.

– Хорошо, возьму. – Римма Генриховна направилась к воротам.

Вслед ей неслось:

– Представляете, совсем забыла про хлеб. У нас Толик с семьёй гостит. Мы с мужем вчера на фермерскую ярмарку ездили, там такие продукты качественные, не то что в магазинах. Я обед приготовила, а о свежем хлебе забыла.

Вероника прижимала к уху телефон и смотрела на окна верхнего этажа.

– Егору звонишь? – спросил подошедший Максим.

– А, пиявка. Чего тебе? – обернулась Вероника.

Граф завертел хвостом и ткнулся носом Максу в колени. Тот потрепал пса по лохматой холке.

– Ничего, просто поздороваться хотел. Нельзя?

– Пфф, да мне всё равно.

– Так кому звонишь? Егору?

– Да. Только у него телефон выключен. Разрядился, наверное, а он и не заметил.

– Не удивительно. Он вчера так набрался, что едва в дверь попал.

– Ой, пиявка, тебе-то откуда знать? Уж вместе вы не пили,

так что не сочиняй.

– Вместе не пили, зато я в окно видел, как он вернулся под утро. Сама посмотри, трезвые так не паркуются. – Макс указал на жёлтую спортивную машину, брошенную перед парковкой.

– Мы же на пикник хотели. Он обещал. Пиявка, поддержи Графа, я поднимусь. Вероника сунула Максу поводок. Он не взял, спрятал руки за спину.

– Ник, не надо.

– Это почему?

– Потому. Вырастешь – поймёшь.

– Ай, хватит мать наводить! Иди куда шёл! – Вероника повела Графа к столбику у парковки.

– Ника, он не один.

Она застыла. Повернулась медленно. Спросила беззвучно:

– Что? – И вдруг закричала: – Что ты сказал?! Врёшь, всё ты врёшь! Чего тебе надо от меня? Чего ты ко мне вечно липнешь? Достал!

Макс подскочил к ней и выдернул поводок.

– Иди! Убедись сама!

Вероника скомандовала Графу «Сидеть!» и направилась к подъезду. Вдруг передумала и подошла к жёлтой машине. На переднем сиденье свернулся змеёй забытый чулок. Чёрный, с кружевным верхом. Лежал и усмехался швом на кончике.

Вероника поплелась к Максусу. Опустила голову пониже, чтобы он не увидел слёз и протянула руку за поводком.

– А вот плакать из-за этого уroda не надо.

– Я и не плачу. Отдай поводок.

– Зачем? Ты сейчас пойдёшь рыдать в подушку, а пёс будет томиться в квартире? Вместо того, чтобы гонять на природе?

– Мы всё равно не едем на природу.

– Обязательно ехать? Можно и пешком. Не пропадать же... чего ты там приготовила? Бутерброды?

– Сосиски. – Вероника невольно улыбнулась.

– Вот! Из-за какого-то уroda ты собираешься лишиться Графа свободы и сосисок. Идём на озеро!

– С тобой? Ты серьёзно?

– У тебя есть варианты? Не переживай, я нищесброд, но на батон с кетчупом наскребу. Даже на сок. Или ты предпочитаешь шампанское? Тогда мне придётся заложить почку.

– Нет, сока достаточно. Не потому, что мне жалко твою почку, просто не пью.

– Тем лучше. Не потому, что мне почку жалко, просто не хочется тащить тебя от озера. Ты же килограмм шестьдесят вешишь.

– Ты кретин? Не вешу я столько!

– А выглядишь на шестьдесят. Будешь на машине ездить, точно не скинешь. Так что пошли сгонять. Ник, ты обиделась? Я же шучу. Серьёзно, давай на озеро. Не надо зацик-

ливаться на том, кто тебя не ценит.

Вероника вздохнула, ещё раз взглянула на окна Егора.

– Ладно, пошли. Только ради Графа.

– Не вопрос. Но я тоже сосиски люблю.

На выходе из магазина Макс с Вероникой вновь встретили Римму Генриховну. Она тащила два больших пакета с хлебом. Когда отошли подальше, Ника спросила:

– А правду говорят, что она немного того после смерти дочери?

– Кто говорит? Тётя Элла? Слушай её больше. Ну, кормит человек голубей, что такого? У всех свои слабости. А мозги у неё получше наших вместе взятых работают.

– Почему голуби? Они же глупые. Завела бы кошку или собаку.

– Кошки и собаки умирают. А голубей не отличишь одного от другого. В массе они вечны.

– Это она тебе сказала?

– Нет, сам догадался. Я вообще догадливый. Так что скучно тебе не будет, обещаю.

Противоположный берег озера пестрел палатками. Макс скинул в траву рядом со старым кострищем пакеты с провизией:

– Видишь, в чём плюс от ходьбы пешком? Все думают, что

там, на дальнем берегу,

лучше. И едут туда толпой. А здесь такой же берег, только пустой.

– Что хорошего в пустоте?

– А ты у Графа спроси, где ему больше нравится. Там бы ты его не отпустила.

Пёс и правда наслаждался свободой: носился по берегу, пробовал воду лапами. Макс развёл костёр. Вероника вытащила из рюкзака пакет с сосисками и снова поникла. Даже слезинку с ресниц смахнула.

– Не хочешь искупаться? – Макс скинул футболку. Он покраснелся от огня, из-под волос струился пот.

– Нет, вода, наверное, холодная. – Ника присела на берегу, обняв колени. Макс с разбегу прыгнул в озеро, обдав её брызгами. – Идиот! Ты шею свернёшь! Там же коряги могут быть.

– Нет здесь коряг, я неделю назад проверял. Граф, ко мне!

Пёс топтался у кромки, не решаясь зайти глубже. Макс замолотил руками и ногами, завопил: «Помогите! Тону!» Граф больше не думал, рефлексy велели спасти человека. Он подплыл к Максy, схватил за плечо и потянул на берег. Вероника уже протягивала руку:

– Ты цел? Что случилось? В омут попал?

– Какой омут? – смеялся Макс. – В озере нет омутов. Это я для Графа притворялся.

– Ты точно больной! Я испугалась.

– Извини, не подумал, что всерьёз воспримешь.

Он вытянулся на траве. Граф отряхнулся, лёг рядом и положил голову Максу на грудь. Ника нахмурилась:

– Граф, ко мне!

Пёс повёл ухом, но с места не тронулся.

– Граф! – строго позвала Ника.

– Ты чего, ревнуешь? – Макс потрепал пса за ушами.

– Нет, конечно, но он должен меня слушаться.

– Значит, ревнуешь.

Вероника смутилась:

– Наверное. Почему он к тебе липнет, а на Егора рычит?

– Собаки чувствуют людей. Надо было не рычать, а кусать за жопу.

– Он не умеет.

– Аристократическое происхождение не позволяет каку в рот брать?

– Да какое там происхождение! Вернее, родители у Графа чемпионы, но он сам с дефектом родился, прикус неправильный. Его усыпить хотели, а папа, как узнал, чуть не подрался с заводчиком. Сказал, заберу, и не колышет, какой там прикус. Графа отдали, но с условием не говорить, чей щенок. У него даже родословной нет, в ветпаспорте как метис записан.

– Ничего себе судьба. Да ты, оказывается, настоящих голубых кровей, только шифруешься. А чего не кусаешься?

– Папа сказал, что он собака для удовольствия, а не слу-

жебная, не стал на охрану дрессировать. Граф не знает, что человек может его обидеть.

– Но на некоторых рычит.

– Рычит, но не кусает. Наверное, и правда предупреждал меня, чтоб держалась подальше от Егора. И... Макс, ты извини, что я тебя пиявкой звала. Ты просто за мной ходишь всё время. Я боялась, что Егору это не понравится.

– Ладно, забыли.

– А чего ты ходишь?

– Разве не понятно? Нравишься ты мне.

– Это глупо. Я стпрше на два года.

– В масштабах вечности два года ничто. Костёр прогорел, пора сосиски жарить.

С озера возвращались под вечер. Первым неладное почувствовал Граф. Им оставалось обогнуть высотку, заслонявшую их восьмиэтажку, как пёс вдруг остановился и заскулил. Ника с Максом переглянулись и побежали к дому.

Двор был оцеплен полицией и МЧС. Слепили мигалками машины скорой. А самого дома не было. Он не сгорел, не рухнул, просто исчез. Его будто вырезали из земли вместе с фундаментом, оставив котлован с идеально ровными глянцевыми стенами.

– Что тут случилось? – Макс подбежал к человеку в защитном комбинезоне и маске.

– Выясняем, – донёсся бесстрастный ответ, приглушён-

ный респиратором.

– А с жильцами что?

– Нет сведений. Отойди, не до любопытных.

– Я не любопытный, я живу здесь. У меня родители в доме были!

Человек в защите махнул рукой за парковку:

– Туда иди, там пункт помощи поставили.

Макс вернулся к оставленной у дерева Веронике.

– Не говорят ничего. Пойдём, может, в пункте помощи что-нибудь узнаем.

Ника только слабо кивнула.

Пункт помощи представлял собой два стола-трансформера и десяток пластиковых стульев. На одном из столов подручные мэра разложили план района и с удивлением пялились на изображённый на нём восьмиэтажный дом. Всюду ненавязчиво сновали атлеты в чёрных костюмах. Сам мэр ходил взад-вперёд вдоль ограждения у парковки, бубнил в телефон и чесал рыжую бороду. За ним по пятам семенила Эльвира Прохоровна и выговаривала с придыханием:

– Марк Феликсович, вы же знаете моего мужа, его вклад в развитие инфраструктуры... А Толик проходил практику в администрации, вы должны его помнить... За заслуги перед городом их поиск надо организовать в первую очередь!

– Организуем, обязательно организуем, как только разберёмся, – отвечал ей мэр в промежутках между телефонными переговорами.

– Максим, Вероника! – К ним спешила Римма Генриховна. – Ох, хоть вы целы.

– Мы-то целы, а что с домом? – Макс поддерживал одной рукой дрожащую Нику, а в другой сжимал поводок. – Римма Генриховна, у вас есть успокаивающее или что-нибудь типа того? Кажется, Нике плохо.

– Вроде пустырник есть в сумке. Идёмте к нам с Ольгой, там всё расскажу.

Ольга, отвернувшись ото всех, кормила ребёнка грудью. Римма Генриховна порылась в сумке, достала таблетки, плеснула воды в пластиковый стаканчик и протянула Нике. После опустилась на один из стульев и стала рассказывать:

– Я же в магазин пошла, мы с вами встретились ещё, помните?

Макс кивнул.

– Возвращаюсь и слышу вопли нашей Эльвиры великолепной. На весь район верещала. Я во двор, а дома нет. Я к Эльвире, кое как в чувства привела. Оказалось, на её глазах всё случилось. Она как раз с мужем перекрикивалась, он на балкон вышел. Тут вроде зрение у неё затуманилось. Она думала, что очки запотели. Протёрла, надела, а дом уже прозрачный. Потом вовсе растворился. А муж, говорит, вроде не почувствовал ничего, только голос его затихал, когда он с домом растворялся.

– Заживо растворился? – всхлипнула Вероника. – И все в доме растворились?

– Как там было – не знаю. Растворились или переместились куда. Этим учёные заниматься должны. Только наш Феликсович, похоже, всё скрыть собирается.

– С него станется, – проворчал Макс.

Ника насторожилась:

– Куда переместились?

– Вероника, это предположение. В чёрную дыру или параллельную реальность. Я хотела снять и отправить куда надо, да эти молодцы у нас телефоны забрали.

– Охренели совсем! Стойте, у нас не забрали, можно снять.

– Отберут, как только вытащишь.

Ольга обернулась и проговорила тихо:

– Если их отвлечь, то не заметят. Я сейчас скандал устрою, а вы снимайте.

– Подождите! – Вероника схватила Ольгу за плечо. – Я сперва попробую позвонить маме.

Римма Генриховна открыла рот в недоумении, посмотрела на Ольгу:

– А мы, вороны, не догадались.

– Потому что нам звонить некому. Вероника, давай, только осторожно.

Ника присела на корточки, спрятавшись за соседями, отправила вызов и прижала телефон к уху.

– Вне зоны действия. Сейчас папе попробую.

И папа Ники, и родители Макса оказались недоступны.

– Остаётся скандалить, – заключила Ольга, поднялась с сыном на руках и направилась к мэру.

Марк Феликсович в это время бубнил в телефон:

– Да-да, я вас понял. Да. Будет сделано. – Закончив разговор, зарычал на Эльвиру Прохоровну: – Что вы за мной ходите? Аферистка! Решила пыль в глаза пустить и квартиру выкружить? Не было здесь дома, ошибка в проекте. Разнюхала и пользуешься?

Эльвира Прохоровна сперва побледнела, потом пошла пятнами, забыла, как дышать, и осела в траву. Пока она хватала ртом воздух, на сцену вышла Ольга:

– Вы собираетесь что-нибудь делать? Пока решаете, был дом или его не было, мы, потерявшие жильё, сидим на улице. У меня ребёнок, между прочим. Я накормила его грудью, но молока у меня мало, и от переживаний оно не прибавится. Через час сын снова проголодается. Нужны смеси, прикорм, а ещё подгузники, распашонки с ползунками.

– А вы кто такая? – выпучил глаза мэр. – А-а, я понял, вас тут шайка мошенников!

– Плохо играете. Дом был. У меня есть фотографии в сетях.

Мэр хохотнул:

– Фотошоп. Ничего ты не добьёшься!

– Это мы ещё посмотрим! Но сейчас вы должны поселить куда-нибудь людей и организовать сбор помощи.

– Обязательно! Вас ждут благоустроенные камеры.

– Вы грозите мне камерой и совершенно не переживаете о том, что сегодня погибли сотни людей? – Ольга показала на серебристый автомобиль на парковке: – Вот ещё доказательство! Это моя машина, пробейте по номеру! Она в зоне оцепления. Проверьте видеорегистратор!

В это время вернулась супружеская пара с Мишенькой. Они остановились перед заграждением, вышли из машины и разразились возмущённо-удивлёнными тирадами. Мужчина достал телефон и навёл камеру на котлован и оцепление. К нему тут же подскочили молодцы в чёрных костюмах и заботливо проводили всю семью к пункту помощи.

– Надо полагать, ещё одни любители халявы, – усмехнулся мэр. – Игорёк, вызывай наряд, пусть прикроют до выяснения. А детишек по детдомам определите.

Мать Мишеньки вцепилась в сына:

– Какой детдом? Что происходит?

– Святая невинность! Я на идиота похож? Думали, стоит пожаловаться, что дом пропал, и вам сразу квартиры из городского фонда? Хоть бы версию правдоподобную придумали, кирпичей натаскали, взрыв газа изобразили. Всё, с вами будут разговаривать в другом месте.

– Не сомневайтесь, и с вами тоже. – К мэру шла Римма Генриховна. – Пока вы глумились над женщинами, мы снимали. И уже выложили видео.

Марк Феликсович гневно зыркнул на охрану и издал нервный смешок:

– Да кто вам поверит? Скажут, решили на фейках популярность поднять.

Однако уверенности в мэре поубавилось. Он снова почесал бороду, посмотрел на темнеющее небо, подозвал подручного и долго с ним шептался. Наконец обратился к потерявшим жильё:

– У администрации, в отличие от вас, есть совесть и сострадание. Не знаю, чего вы добиваетесь, но на улице вас не оставят, что бы вы ни задумали. Сейчас приедет автобус...

– И доставит нас в комфортабельные камеры? – перебила его Римма Генриховна.

Мэр поморщился:

– Что вы переворачиваете? Это была шутка. Никаких камер. Вас разместят в центре временного проживания. Туда же доставят продукты и всё необходимое. Волонтёры уже работают. – Повернувшись к подручному, буркнул: – Верни телефоны.

Автобус приехал через полчаса. Антошка уже заходился в крике, Моника и Бриджит тоже скулили и жались к ногам хозяйки, а она так и пребывала в шоке от нанесённого оскорбления. Соседи впервые видели Эльвиру Прохоровну такой тихой.

Их встретила женщина-администратор, представилась Наташей и проводила в свободную секцию, объясняя по пути:

– У нас всё занято погорельцами, пришлось срочно переселять людей, чтобы освободить вам место. Порядок навести не успели. Там только два номера, но надеюсь, все поместятся. Вы семья? – обратилась она к родителям Мишеньки. – Значит, займёте двухместный. Женщин поселим в трёхместном, девушке постелем матрас. А юношу... Что-нибудь придумаем.

Эльвира Прохоровна первой вошла в номер, осмотрела стены с облупившейся краской, потёки на потолке, пятна на матрасах и пришла в себя:

– Это возмутительно! Поселить как скотов в каком-то клоповнике! Мы жители элитного района! Дорогие мои, мы немедленно едем в гостиницу, а если завтра дом не вернут, то подыщем приличное жильё.

Ольга вкатила коляску и бросила сумку на ближайшую кровать.

– У меня нет лишних денег на гостиницу.

– Оленька, но я же вам всё возьму, как только восстановлю карточки. Риммочка, ну, скажите ей, разве можно держать ребёнка в такой антисанитарии?

Римма Генриховна молча положила пакеты с продуктами на другую кровать.

Ольга потрогала хлюпающий подгузник:

– Римма Генриховна, Антошку надо срочно искупать и накормить. Вы не узнаете, есть тут смесь и бутылочки? А я с ним в душевую.

Соседки вышли. Эльвира Прохоровна поняла, что проиграла. Веронике не хотелось оставаться с ней в комнате, и она пошла искать кухню. В конце концов ей тоже есть о ком заботиться: пока все заняты делом, она сварит Графу кашу.

В кухонном шкафчике нашлись крупа и посуда. Ника промыла ячку и поставила кастрюлю с водой на огонь. Достала телефон и набрала Егора. Он тоже был вне зоны действия. Как и утром. Как и все.

Наташа внесла в кухню коробку с банками детского питания. Следом вошла Римма Генриховна с бутылочками и сосками. Попросила Веронику поставить чайник.

Наташа выстроила банки со смесями и пюре на столе:

– Надеюсь, всё по возрасту. Завтра волонтеры ещё привезут.

– Надеюсь, что завтра уже не понадобится, – вздохнула в ответ Римма Генриховна.

– Как знать, – пожала плечами Наташа. – Вы на лучшее надейтесь, но настраивайтесь на худшее. Так легче. Да, я в прачечной одежду оставила. Выберите подходящую. Всё чистое.

Римма Генриховна включила телевизор. Шли новости. О пропавшем доме в Былинске даже не упоминалось.

Вероника достала из рюкзака сосиски, оставшиеся с пикника, и покрошила в кашу. В кухню вплыла Эльвира Прохоровна. Принюхалась.

– Что ты готовишь? Пахнет отвратительно.

– Это не вам, а Графу. Он не привередничает, – огрызнулась Вероника.

– Ты на собаку продукты переводишь?

– Вам горсть ячки жалко? А сосиски мои, я их у вас не украла.

– Не придирайтесь к девочке, – вступилась за Веронику Римма Генриховна. – Своих собак вы же тоже чем-то кормить будете.

Эльвира Прохоровна надула губы и уселась за стол. Проворчала:

– Ну и духота тут.

Она скинула розовый кардиган, надетый поверх мятной туники. Достала из сиреневой сумки розовый и бледно-зелёный футляры и сменила очки с розовой оправой на очки с зелёной. Вероника с Риммой Генриховной переглянулись, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

Эльвира Прохоровна потянулась к банкам с детским питанием:

– Неужели нет ничего мясного? Чем мне накормить моих девочек?

Римма Генриховна оставила обработку бутылочек и посмотрела на неё с удивлением:

– Это питание для Ольгиного ребёнка. Причём тут ваши собаки?

– А что им есть, скажите пожалуйста?

– Могу сосисками поделиться. – Вероника остудила кашу

и поставила кастрюлю перед Графом.

– Я не кормлю их такой гадостью.

Моника и Бриджит, глядя, как уминает Граф, тоже потянулись к кастрюле. Немец издал грозный рык. Эльвира Прохорова вздрогнула:

– Он агрессивный! Привязывай его! Надеюсь, он будет ночевать на улице? Иначе нам из номера не выйти.

– Ночевать он может со мной. У меня шикарные апартаменты в гладилке. – В дверях появился Макс.

Послышались вопли Антошки. Ольга внесла в кухню чистого и голодного малыша. Получив бутылочку со смесью, он наконец замолчал. Моника и Бриджит чавкали, с удовольствием поедая вредные сосиски. Пора было и взрослым подумать об ужине.

Римма Генриховна принесла свои пакеты, достала курицу, картошку и макароны.

– Можно суп сварить, чтобы на всех хватило. А это, – она выложила на стол рулет и пирожные, – я Алексею покупала. Но ему уже не пригодится. И вот ваш хлеб, Эльвира Прохорова.

– Спасибо, Риммочка, я завтра же пойду в банк, восстановлю карточки и всё вам верну.

– А, забудьте, – отмахнулась Римма Генриховна.

После ужина никто не спешил расходиться, даже Мишенька смотрел новости вместе с родителями, но про дом,

как и прежде, не говорили. Начался сериал, и Римма Генриховна убавила звук. Мать Мишеньки чертила на листке круги, линии и непонятные символы.

– Что вы рисуете? – спросил её Макс.

Она отложила карандаш:

– Пытаюсь понять, что для нас значит остаться. Но что-то не сходится. Гороскоп на сегодня указывает на переход, но нас не забрали. Я думала, это произойдёт на даче.

– Вы о чём? – спросила Ольга?

– Ну как же! Вы же видели котлован. Разве на Земле есть технологии, чтобы так вырезать дом? Ясно же, что его забрали пришельцы из других миров. Мы давно ждали этого, но не распознали знаков. И теперь я хочу понять, почему нас оставили. Может, мы ещё не готовы?

Все молчали, только осторожно переглядывались в немом стоворе не спорить с сумасшедшими.

– А если... – начала Ольга несмело.

– Что? Оля, говори, в этой ситуации нормальности уже не существует, – не вытерпела паузы Римма Генриховна.

– Если нас тоже заберут? Мы не убежали, о нас не забыли, а просто дали отсрочку.

Макс хмыкнул:

– Кажется, вы пересмотрели «Пункт назначения».

– Пункт назначения? – Ольга нахмурилась. – Что это?

– Значит, не пересмотрели. Я ошибся.

– Это немыслимо! – взвилась вдруг Эльвира Прохоров-

на. – О чём вы говорите? Я понятия не имею, что с моими мужем, сыном и внуками. Как мне жить дальше? Где? А вы несёте всякий бред!

Римма Генриховна налила воды в стакан и подала Эльвире Прохоровне:

– Прошу вас, успокойтесь. Мы все в растерянности. Если и говорим нелепицу, то не со зла, а чтобы не сорваться. Я прекрасно вас понимаю, но...

– Ни черта вы не понимаете! Никто! Вы никого не потеряли! Разве что подростки родителей. Да разве они переживают? А вам, Римма, ещё повезло, что ваша дочь умерла до всего этого.

Звонкая пощёчина оборвала истерику. Эльвира Прохоровна с ужасом смотрела на стоящую перед ней Римму Генриховну. Та потёрла руку и сказала, чётко чеканя слова:

– Ещё. Раз. Вспомнишь. Мою. Дочь. Я. Тебе. Зубы. Выбью.

Эльвира Прохоровна забулькала:

– Ды... Ды... Как...

– А я добавлю. – Ольга поднялась и взялась за коляску со спящим Антошкой. – Римма Генриховна, пойдёмте отдыхать, поздно уже.

Вероника зашептала Максу в ухо:

– Можно, я вместе с Графом у тебя в гладилке переночую?

Макс кивнул:

– Можно. Давай перенесём твой матрас.

Доску с утюгом выставили в коридор. Два матраса заняли всё место в крошечной камерке. Ника с Максом легли, не раздеваясь. Граф потоптался в ногах и забрался между ребятами. Сон не шёл. Ника тихо спросила:

– Макс, что делали твои родители, когда ты ушёл утром?

– Отец спал. Мама борщ варила. – Он вздохнул и добавил: – Из молодой капусты.

– А мы с мамой кофе пили. Она в окно посмотрела, сказала: «Какой воздух прозрачный. Только в июне увидишь такую чистоту красок». Она художницей хотела стать, но не сложилось. А отец... Знаешь, если бы не этот пикник, то с Графом гулял бы папа. Он всегда с ним по воскресеньям гулял. Тогда пропала бы я, а не он. Как думаешь, где они?

– Не знаю. Но надеюсь, что им хорошо.

– Только и остаётся, что надеяться. Может, ещё вернутся?

Макс не ответил. Вероника снова заговорила:

– Если бы я тебя не послушала и поднялась к Егору, то могла бы его спасти.

– Скорее, пропала бы вместе с ним.

– Наверное. Я даже не знаю, что лучше.

– У тебя с ним серьёзно было?

– Если честно, то ничего и не было. Встречались во дворе, трепались ни о чём. Переписывались иногда. Вернее, я сама ему писала. И на пикник сама пригласила. Он согласился. Чтобы отвязалась, наверное.

– Ник, ничего уже не изменишь. Давай спать.

Утром всех разбудил вопль. Ника вскочила:

– Кто это?

– Не знаю, – пробормотал Макс. – Похоже, из женского номера. Пойдём посмотрим.

Кричала Эльвира Прохоровна. Ей вторили Моника с Бриджит и Антошка.

– Растворилась! Исчезла! – Эльвира Прохоровна, бледная, с безумными глазами, показывала на пустую кровать Риммы Генриховны.

Мама Мишеньки запрыгала, захлопала в ладоши, закричала мужу:

– Переход продолжается! Я же говорила тебе! Скоро и нас заберут. А как иначе? Ведь ингрессия Плутона в Водолей, впервые за двести пятьдесят лет!

Макс на всякий случай заглянул в кухню, прачечную и душевую. Риммы Генриховны не было. Ольга, кое-как успокоив Антошку, попыталась вразумить соседей:

– Господа бездомные! Очень вас прошу, прекратите ненадолго сходить с ума. Эльвира Прохоровна, вы видели, как Римма Генриховна растворилась?

– Нет, я просыпалась десять минут назад, она спала. А сейчас она пропала.

– У вас же телефона нет, как вы определили, что десять минут прошло?

– У меня внутренний хронометр.

– Ясно.

Ольга достала телефон из-под подушки и набрала Римму Генриховну. Включила громкую связь. Вместо ожидаемого «вне зоны действия» послышались длинные гудки. После четвёртого Римма Генриховна ответила. Ольга спросила:

– Где вы?

– Оля, у меня консультация по ЕГЭ, работу никто не отменял.

– Так времени шесть утра!

– Вышла пораньше. Мне надо пройтись, настроиться, вспомнить материал. Конспекты ведь тоже пропали. Заодно дошла до нашего двора, покормила голубей. Тут что-то случилось за ночь.

– Что?

– Не знаю. Близко не пустили, но в котловане что-то происходит. Всё, мне надо сосредоточиться, к обеду вернуться.

Римма Генриховна отключилась. Макс посмотрел на Веронику:

– Мне ведь тоже на работу. Жизнь продолжается.

– Я с тобой.

– На работу?

– Нет. Хочу посмотреть, что там в котловане.

– Давай вместе. Времени ещё достаточно.

Ольга прошла на кухню, поставила чайник и включила телевизор. Ника в прачечной искала подходящую одежду, ко-

гда Макс закричал:

– Все сюда! Экстренный выпуск!

На экране появился котлован с такими же глянцевыми стенами. Тревожный голос диктора сообщал: «Вчера в Москве исчезло двенадцать домов вместе с находившимися внутри жильцами. По утверждениям очевидцев здания растворились в воздухе. Коммунальные службы и приглашённые на место происшествия сотрудники НИИ отказались дать какие-либо комментарии. В течение всего вчерашнего дня в интернете появлялись ролики с исчезнувшими постройками в других городах, но, поскольку никаких сведений от местных властей не поступало, информацию отнесли в разряд фейковой. По обновлённым данным дома исчезли в Воронеже, Ростове, Курске, Саратове, Самаре, Нижнем Новгороде, Череповце, Былинске и Санкт-Петербурге. О судьбе проживавших в них людей, находившиеся в своих квартирах в момент инцидента, ничего не известно. Следите за событиями!»

Заставку новостей сменила прерванная передача, а люди у экрана так и продолжали стоять в застывших позах. Только Мишенька при всей своей гениальности не постиг значимости момента. Он присел перед Графом и выставил ладошку. Пёс положил на неё лапу. Выходка мальчика привела родителей в чувство.

– Михайло, что за бессмысленный порыв? Тебе пора медитировать, настраиваться на грядущий день и отправляться

в сад, – выговорил ему отец.

Мишенька виновато посмотрел на Графа и ушёл за мамой в номер.

Эльвира Прохоровна заглянула в холодильник, покачала головой, надела кардиган и сменила очки.

– Мне тоже пора. Пойду в банк восстанавливать карточки.

Макс с Вероникой вышли из маршрутки. Въезд в квартал оказался перекрыт машиной полиции. Макс зашептал:

– Ника, нас близко не подпустят к котловану. У меня есть идея. Идём в соседнюю высотку, посмотрим с общего балкона.

Вероника кивнула.

С пятого этажа котлован открывался во всех подробностях. За ночь дно затянуло паутиной. По краю ходили люди в защите и пытались понять, с чем имеют дело. Один из исследователей лупил по паутине лопатой. С каждым ударом раздавалось гулкое «бом», будто били по натянутой струне. Другой принёс зажжённый факел и бросил в котлован. Внутри зашипело, показалась бледная струйка дыма, вскоре растаявшая, а паутина вдруг сформировалась в огромный кулак и так вмазала поджигателю, что того отбросило к ограждению. Люди в защите тут же разбежались.

– Ничего себе! Ты видел? Оно живое!

– Ага. И мне это совсем не нравится. Пойдём отсюда.

Ребята брели к остановке.

– Ты куда сейчас? – спросил Макс.

– В универ поеду. Послезавтра экзамен, а у меня ни зачётки, ни конспектов, ни учебников. Загляну библиотеку и попробую у преподавов распечатки лекций взять. Макс, а что дальше?

– В смысле? Вечером в центре встретимся.

– Я не об этом. Что вообще будет с нами?

– Думаешь, они...

Ника зажала уши, зажмурилась, заговорила быстро и тихо:

– Нет-нет, не говори! Мы ведь не знаем, что с ними. Пусть будет, будто они уехали. Но если ты скажешь... – Она открыла глаза. – Кивни, если понял.

Макс уронил голову на грудь.

Ника отняла руки от ушей, прерывисто выдохнула и снова спросила:

– Если они не скоро вернутся, что ты будешь делать?

– Меня, наверное, в детский дом определят. Я же несовершеннолетний.

– У тебя что, нет никого?

– Есть. Родственники отца. Только я им не больно нужен. Да мне и самому к ним не хочется. Бухают по-чёрному. Лучше уж в детдом. А ты?

– Мои нормальные. В Нижнем бабушка и тётя по маме. В Вологде – отцовские. Но я к ним не поеду. Знаешь, ты уже спал, а я всё думала. Кто я? Для чего живу? Чего хочу?

За меня всё родители решали, что мне есть, как одеваться. Даже куда поступать. Нет, они не ломали, просто я сама не знала, чего хочу. Вот, учусь на экономиста. А зачем? Даже влюбиться нормально не смогла, вцепилась в первого попавшегося. Я тебя старше на два года, а кажется, что наоборот. Хватит, пора взрослеть. Сдам сессию, переведусь на вечерний или на заочку. Устроюсь на работу. С жильём как-нибудь да решится. А после оформлю опеку и заберу тебя из детдома.

Макс хохотнул:

– Вот уж спасибо! Что ж, добро пожаловать в новую жизнь. Мой автобус. До вечера!

Он махнул Нике и исчез в салоне.

Все разошлись по своим делам, Ольга с сыном остались одни. Она раздумывала, чем ей заняться в первую очередь, когда зазвонил телефон. На экране высветилось «Босс».

– Слушаю, Владислав Ярополкович! – бодро ответила она.

– Скворцова, где отчёт? – грозно прорычал он.

– Вы ещё не знаете? Мой дом пропал. Вместе с компьютером.

– Ничего другого я от тебя не ожидал. Из всех домов пропал именно твой.

– Владислав Ярополкович, разве это от меня зависит? Если мне выделяют ноутбук и снова отправят документы, я к вечеру всё подготовлю.

– А как мне списывать предыдущий компьютер? Не знаю, как ты будешь выкручиваться, но у тебя два часа на подготовку отчёта. Иначе уволю.

– Не имеете права! Я одинокая мать.

– Ещё как имею! Ты у меня под суд пойдёшь за хищение важных документов и собственности компании.

Босс отключился. Ольга всхлипнула и тут же зажала рот. Не хватало ещё напугать Антошку из-за самодурства начальника. Телефон снова дзынькнул. На этот раз пришло напоминание от банка о взносе по ипотеке.

– Добейте меня уже все разом! Нет у меня денег на новый ноут и ипотеку! Стоп! Почему я должна платить за квартиру, которой нет?

Ольга нажала на указанный в сообщении телефон. Когда на том конце отозвался консультант, заговорила сбивчиво:

– Здравствуйте! Подскажите, у меня через два дня очередной платёж, но мой дом вместе с квартирой пропал. Могу я рассчитывать хотя бы на отсрочку?

– Вы потеряли работу? – спросил бесстрастный голос.

– Нет, пока нет. Но за что я должна платить, если квартиры нет?!

– Банк не несёт ответственности за сохранность жилья. В ваших интересах уплатить вовремя и спросить компенсацию с виновных. Отсрочку мы можем предоставить только в случае потери работы либо трудоспособности. Хорошего дня!

– Да твою ж мать! – в сердцах выругалась Ольга.

Напуганный Антошка заплакал. Вместо того, чтобы успокоить малыша, она заревела с ним в голос.

– Что опять случилось? По кому рыдаем? – В кухню влетела Римма Генриховна.

Ольга выложила обо всех свалившихся напастях. В конце добавила:

– Теперь хоть в петлю. Только определиться не могу, в банке вешаться или на работе.

– Ольга! – прикрикнула на неё Римма Генриховна. – Даже думать не смей! Работа, квартира, всё наживное. Единственное, что нельзя исправить – это смерть. Я бы всё отдала, чтобы спасти дочь, только не было у меня шанса, за несколько часов её вирус убил. Но тебе руки опустить не дам!

– А что мне ещё остаётся? Что делать?

– Вот! С этого и надо начинать. Давай с работой разберёмся. Тебе, так понимаю, ноутбук нужен?

– Да. Но если я куплю ноутбук, мне нечем будет по ипотеке платить.

– Не надо ничего покупать. Ты не гуляла с Антошкой? Собери его, пойдём в школу, уж на время каникул комп нам какой-нибудь выделят.

– Ой, а это можно? Римма Генриховна, у меня даже слов нет, как я вам благодарна! Только подождите, я сперва начальнику позвоню, скажу, что к вечеру всё сделаю.

Босс выслушал заверения и изрёк снисходительно:

– Ладно, Скворцова, на первый раз прощаю. Но, сама по-

нимаешь, в этом месяце ты без премии.

– Как без премии? Владислав Ярополкович, у меня же минимальный оклад на дистанционке. И ипотека! Нам не прожить!

– А это не мои проблемы, Скворцова. Не я отчёт задерживаю. Выкрутишься как-нибудь. И если рассчитываешь на премию в следующем месяце, советую помнить о субординации.

Начальник отключился. Ольга беспомощно посмотрела на Римму Генриховну:

– И как теперь? Мне в следующем месяце даже на ипотеку не хватит.

– По-моему, ты сгущаешь краски. На еду и одежду для сына тебе тратиться не надо. Жить тоже есть где. Не хоромы, но сойдёт. Другую работу ты с малышом вряд ли найдёшь. Оля, не всё так плохо. На край, у меня подушка безопасности небольшая имеется. Теперь идём в школу.

Не успели они выйти, как вернулась плачущая Эльвира Прохоровна.

– Да что за день слёз! – всплеснула руками Римма Генриховна. – Эльвира, а с вами-то что?

– Я в банке была, там сказали, что без паспорта не восстановят. А я его тоже дома оставила. Пошла в паспортный стол, чтоб новый выдали. Они попросили данные написать. Я адрес прописки указала, а м-мне г-говорят, что нет такого дома и не было. И меня не-е-ет...

– Это что ещё за новости? У меня паспорт всегда в сумке. И прописка там указана.

– Подождите! – Ольга подняла палец. – Это же мэр. Это он распорядился все сведения о доме убрать.

– Ну, лепрекон рыжий! – расвирепела Римма Генриховна. – Слушок прошёл, что из-за нашего ролика ему хорошая взбучка грозит. Эльвира, не кисните! Мы с Ольгой скоро вернёмся и займёмся нашим Феликсовичем. Дожмём его.

Ника выгуливала Графа, когда вернулись Римма Генриховна с Ольгой. Увидав Нику, Римма Генриховна оживилась:

– Вероника, нужна твоя помощь. Поработаешь снова оператором?

– Не вопрос. А что снимать надо?

– Всё!

Римма Генриховна подготовилась основательно. Вначале сняли временное жильё, Ольгу, работающую за единственным столом в кухне и спящего здесь же Антошку. Стопки одежды и коробки с крупами и консервами, собранные волонтерами. Римма Генриховна комментировала каждую мелочь. После она растолкала поникшую Эльвиру Прохоровну:

– Собирайтесь, едем за справкой и в паспортный.

– За какой справкой? Зачем в паспортный? Я же там была.

– По дороге объясню!

Римма Генриховна повела всех в центр жилищных субсидий и расчётов. Там сунула паспорт сидящей за стеклом де-

вушке и сказала:

– Мне нужна справка о составе семьи для пенсионного.

Девушка долго стучала по клавишам, тёрла лоб, пожимала плечами, в конце концов вернула паспорт:

– К сожалению, дома двадцать четыре по улице Исгарской нет.

Римма Генриховна взяла паспорт, раскрыла его на страничке прописки так, чтобы Вероника могла снять, и удивилась для девушки:

– Как же так? Я девять лет прожила в этом доме. Восемьэтажный, на 64 квартиры. И штамп о прописке мне ставили в вашем центре.

Девушка виновато улыбнулась:

– Наверное, какая-то ошибка. К сожалению, не могу вам помочь. Девять лет назад я здесь не работала.

После отправились в паспортный стол, где Эльвира Прохоровна опять попыталась получить паспорт взамен утерянного, и ей опять ответили, что раз дома по заявленному адресу не существует, то и личности, там прописанной, быть не может.

Эльвира Прохоровна разволновалась, как и утром, промокнула глаза сиреневым платочком и скорбно проговорила:

– Если бы со мной был муж, они бы так не разговаривали. Он бы быстро навёл порядок.

Римма Генриховна похлопала её по плечу:

– Ну-ну, Эльвира, будьте сильной. Идём дальше.

– Куда теперь? – спросила Вероника.

– К дому!

Вероникин телефон вдруг ожил, на экране высветилось «Пиявка».

– Ника, ты где? Давай к дому! И наших зови. Тут такое!

Оцепленная зона стала шире. Вокруг толпились любопытные и родственники пропавших. Римма Генриховна заметила среди них дочь Алексея. Над котлованом белело не то строение, не то огромный пьедестал, но издалека было не рассмотреть.

– Идёмте на балкон. – Ника повела всех к высотке.

Макс уже ждал на пятом этаже. Он даже бинокль где-то достал.

– Смотрите, что за хреновина из котлована лезет! – Он сунул бинокль Римме Генриховне. – Паутина что-то строит. Похоже на лестницу.

То, что возвышалось над котлованом, действительно оказалось лестницей с семью широкими ступенями и перилами по обе стороны.

– И правда строит. – Римма Генриховна передала бинокль Веронике.

Над верхней ступенью будто кто-то быстро вычерчивал белые штрихи. Они накладывались друг на друга, плотнели, образуя очертания восьмой ступени.

– Ну-ка, ну-ка, – Римма Генриховна отобрала бинокль.

Ника проследила, куда она смотрит – у ограждения мэра давал интервью телевизионщикам. Римма Генриховна забыла о лестнице. Марк Феликсович целиком завладел её вниманием. Она вслед за ним шевелила губами, пытаясь разгадать смысл сказанного.

– Что этот брехун им втирает? Жаль, что нет бинокля для ушей.

– Вечером узнаем.

– И правда. – Римма Генриховна вернула бинокль Макс-у. – Нам тоже есть чем заняться. Будем готовить свой репортаж. Вероника, идём!

Ника не могла отвести взгляда от лестницы. Восьмая ступенька была готова, над ней уже прорисовывался прозрачный призрак девятой.

– Римма Генриховна, нам обязательно монтировать сейчас? Здесь же чудо творится.

Макс поддержал:

– В самом деле, никуда ваш репортаж не денется. Тут же лестница сама строится.

– Ребятки, пока мы тут торчим, этот кудесник столько чудес натворит. – Римма Генриховна указала на мэра. – Идём, после вернётесь. Эльвира, вы уснули?

Эльвира Прохоровна за всё время не проронила ни слова. Её не интересовал ни мэра, ни лестница. Она смотрела на детский сад, в который водила внуков.

Вернувшись в общежитие, Римма Генриховна заставила всех искать любые доказательства существования дома, будь то документы, фотографии, завалявшиеся в сумках и карманах квитанции. Потом снова снимали, говорили, доказывали. И ждали Мишенькиных родителей, которые единственные не внесли лепту в антимэровскую компанию. А они задерживались.

По телевизору бесконечно показывали белые лестницы на месте пропавших домов в разных городах. Эксперты строили предположения, экстрасенсы и ясновидящие давали толкования, все сокрушались о судьбах пропавших людей, а мэры и губернаторы наперебой хвастались размерами помощи тем, кто остался. Поздним вечером на экране появилась и рыжая борода Марка Феликсовича.

– Тихо все! Прибавьте звук! – скомандовала Римма Генриховна.

Мэр с выражением всемирной скорби говорил о невосполнимой утрате для близких, о сплочённости в трудные времена испытаний, о предоставлении квартир из жилого фонда.

– Мне тяжело говорить об этом. Никакие компенсации не вернут близких оставшимся. Из двухсот пятидесяти шести квартир шестнадцатизэтажного дома уцелели всего девять человек.

– Что-о? Вот жулик! Вот где собака зарыта! Когда это наш дом стал выше в два раза и ещё одним подъездом обзавёлся?

– Что опять случилось у вас? – в кухню заглянули Ми-

шенькины родители.

– Наконец-то! – кинулась к ним Римма Генриховна. – Только вас и ждём, чтобы разоблачающие материалы дописать и отправить!

– Вы нас извините, – пропела Мишенькина мама, – но вот-вот случится грандиозное событие. Мы не хотим пропустить переход в другое измерение и останемся на ночь у лестницы, даже палатку купили, а сюда только за вещами заглянули.

– Вы себя слышите? Неужели у вас нет гражданской позиции?

– Скоро никому не будет дела до мелких мирских дрызг. Я бы посоветовал вам не тратить время, а привести в порядок душевный баланс, очиститься и просветлеть, пока ещё можно, – заявил Мишенькин папа и ушёл с семьёй ждать великого перехода.

Римма Генриховна вздохнула и приступила к рассылке разоблачающего ролика. Вероника собралась вывести Графа.

– Я с тобой, – увязался за ними Макс.

Наступила ночь. Небо над общежитием пестрело звёздами, а в стороне лестницы сияло серебристое зарево.

– Это она светится?

– Вряд ли, – покачал головой Макс. – Наверное, прожекторов натащили.

– Я всё ждала, когда Римма Генриховна закончит со свои-

ми съёмками, хотела туда пойти. Только устала сильно, спать бы поскорее лечь. И Графу в толпе не понравится. Там, наверное, уже полгорода с палатками.

– Не исключено. Утром сходим, всё равно по телевизору о каждой мелочи говорят. Ничего не пропустим.

– Макс, почему они уверены, что лестница для того, чтобы подняться? Может, по ней спустятся. Наши родители.

– Зачем тогда было их забирать? Не знаю, может, кто и спустится, только я не уверен, что с добрыми намерениями.

– А этот кулак утром? Он же ударил за то, что в него огонь кинули? Просто так ведь не стал бы бить?

– Идём спать, Ник. После посмотрим, что к чему.

Ольга просидела с отчётом всю ночь. Отправив его начальнику, наконец смогла забраться в постель. Едва она закрыла глаза, как зазвонил телефон. Босс! В пять утра! Ольга приняла вызов и тут же отпрянула от рёва начальника.

– Ты думаешь своей тупой башкой против кого прёшь?! Бессмертная? Собирай свой сброд, и сделайте опровержение на свой пасквиль, да так, чтобы вам поверили. Иначе увольнение – самое безобидное, что с тобой может случиться!

Разговор оборвался. Ольга зажала рот полотенцем, чтобы не кричать. Римма Генриховна подняла голову:

– Оль, кто это в такую рань? Чего случилось?

Ольга поднялась и показала на дверь. Закрывшись на кухне с Риммой Генриховной, Ольга рассказала об опроверже-

нии и об угрозе. Римма Генриховна потёрла виски, помолчала, наконец проговорила:

– У них там одна шайка. Рука руку моет. Оля, а ведь они испугались! Значит, мы на правильном пути.

– Вы о чём, Римма Генриховна? Да меня уволят, если чего похуже не сделают! Надо придумать, что в опровержении сказать.

– Ольга, не смей! Не смей отступить! Не дай им запугать, задавить тебя. Они уничтожат нас и продолжат творить беззаконие. Убивать, как убили мою дочь! На всю больницу был один ИВЛ! А по документам их семь. Леночка задохнулась, пока ждала очереди. Больше я не позволю им издеваться над нами!

– Вам нечего терять. Но мой сын жив! Что они сделают с нами, если мы не выполним их требований?

– Вот тебе моё последнее слово – я не отступлюсь. Пойду до конца.

Вероника, Макс и Эльвира Прохоровна давно проснулись от криков и теперь топтались в дверях. Ольга посмотрела на них, заговорила было об опровержении, но слова смешались с рыданиями. Она закрыла лицо руками и плакала. Римма Генриховна гладила её трясущиеся плечи.

Ника включила телевизор. Звук убавили до минимума ещё вечером. На экране появилась лестница, уходящая в небо. Из-под облаков показались человеческие фигуры. В полной тишине они спускались по ступеням. Мелькали кад-

ры. Лестницы из разных городов сменяли друг друга. И везде по ним сходили люди.

Все застыли и смотрели в экран. Даже Ольга прекратила плакать. Первой опомнилась Ника. Схватила поводок и крикнула:

– Граф, ко мне!

Её голос, разбивший тишину, заставил очнуться остальных. Макс сунул ноги в кроссовки и поспешил за Никой. Эльвира Прохоровна натянула розовый кардиган и ловила Монику с Бриджит. Римма Генриховна вызывала такси. Ольга вытирала слёзы:

– Подождите меня, я только Антошку соберу.

Граф, точно почуяв нетерпение хозяйки, рвался к дому, натягивал поводок. Ника едва успевала переставлять ноги. У остановки их нагнал Макс. Спросил, задыхаясь от бега:

– На автобус?

– Нет, они все забитые, с Графом не пустят.

Не тратя больше времени на разговоры, ребята понеслись к лестнице.

Район кишел людьми. Заграждения то ли убрали, то ли раскидали, и народ толпился у самой лестницы. Рядом с Никой и Максом остановилось такси. Из него выбрались Римма Генриховна, Эльвира Прохоровна с собаками и Ольга с Антошкой. Водитель доставал из багажника детскую коляску. Ника хотела было помочь им, но кинула взгляд на лестницу

и охнула: к подножию спускались её родители.

Они нарядились, будто на приём. Отец в строгом костюме и галстук-бабочке, постройневшая мама в блестящем вечернем платье с открытыми плечами.

– Ма? Па? – выдохнула Ника и потащила Графа к лестнице, расталкивая локтями стоящих на пути. – Пропустите, там мои родители!

Перед ней расступались чуть не благоговей. Ника бежала к лестнице по свободному коридору, но у подножия вдруг врезалась в невидимую преграду. От столкновения воздух завибрировал с гулом.

– Осторожно, доченька! – вскрикнула мама. – Без приглашения ты не пройдёшь. Следуй за нами в мир грёз! Теперь можно, иди.

Граф глухо зарычал и потянул Нику назад. Она остановилась.

– Мам, а что там?

– Там чудесно. Представляешь, я снова рисую. Недавно прошла выставка моих картин. А папа конструирует самолёты, как всегда мечтал.

Отец с улыбкой смотрел на Нику:

– Мы живём теперь в своём доме с большим садом. Следуй за нами в мир грёз!

Граф вырывался. Ника с трудом его удерживала.

– Пап, помоги мне, Граф не хочет идти.

– Да оставь ты этого пса, там заведёшь себе какого поже-

лаешь.

– Папа, это же Граф! Я не хочу другого!

За спинами родителей показался Егор в обнимку с двумя девицами модельной внешности. Первая, в коротком шёлковом платье, кокетливо выставила ножку в чёрном чулке с кружевным верхом. На другой ноге чулка не было. Вторая девица показала Нике смутно знакомой, но она не могла её вспомнить. Егор показал на свою жёлтую машину на парковке:

– Афигеть, я ездил на этой чехарде! Думал, это круто.

– Доров, Егер! – К лестнице пробирались друзья Егора. – Подари мне, если не нужна.

Егор рассмеялся:

– Зачем тебе этот хлам? У меня сейчас целый гараж летающих. Хочешь такой же? Следуй за нами в мир грёз!

– Спрашиваешь! Конечно, хочу! – Парень свободно прошёл к лестнице и поднялся на несколько ступеней.

Остальные друзья загалдели, требуя приглашения. Егор величественно провозглашал для каждого:

– Следуй за нами в мир грёз!

Тут он заметил Нику:

– О, Вероника! Хочешь такие сиськи! – Он смял грудь смутно знакомой девушки. – Узнала? Это Анжелика с четвертого. Там она певица, мисс мира. Следуй за нами в мир грёз!

Ника открыла рот от удивления. Анжелика, сутулая ста-

рая дева, вечно пропадаящая на работе, потому что в пустую квартиру ей возвращаться не хотелось. А Граф рвался всё неистовее. Отец с мамой протянули руки:

– Доченька, иди к нам. Ты не представляешь, какие возможности тебе откроются. Следуй за нами в мир грёз!

– Я не пойду без Графа! – крикнула им Вероника и отступила от лестницы.

Римма Генриховна вцепилась ей в локоть, зашептала в ухо:

– Не торопись! Что-то здесь не так.

– Ника, так нельзя! – строго проговорил отец. – Ты должна быть с нами. Нам надо кого-нибудь привести.

К лестнице протиснулась Ольга с коляской:

– Возьмите меня, раз вам всё равно кого.

– Да, конечно! Следуй за нами в мир грёз! – пригасил её папа.

– Оля, стой! Я не пушу тебя! – Римма Генриховна ухватила за ручку коляски.

Ольга взяла Антошку на руки:

– Простите, Римма Генриховна, но я так устала. – И шагнула на лестницу.

Вперёд вышли родители Макса, преображённые до неузнаваемости. Его обрюзгший отец с клочковатой щетиной сейчас был подтянут и гладко выбрит. Вечно уставшая мать помолодела, выпрямилась, сияла глазами из-под накрашенных ресниц.

– Сынок, мы за тобой. Следуй за нами в мир грёз!

Макс оглянулся на Нику, покачал головой:

– Не, мам-пап, у меня тут дела. Важные.

– Максимка, какие дела? Ты же учиться хотел. Теперь любовью университет сможешь выбрать, – уговаривал отец.

– Пригласите нас! – бежали к лестнице родители Мишеньки с сыном.

– Не вопрос, – пожал плечами отец Макса. – Следуйте за нами в мир грёз!

Макс схватил Графа за ошейник, помогая Нике его удерживать.

– Ты чего не пошёл? – спросила она.

– Да ну, какие-то они ненастоящие, как из рекламы. И потом, ты же сама звала меня пиявкой. Раз ты осталась, то и я тоже.

– Ну и глупо! Чего ты нашёл во мне?

– Ты добрая.

– Я?! Не придумывай!

– Добрая-добрая. Помнишь, когда мы только сюда переехали, я коленку разбил? Ты мне тогда её зелёнкой намазала и перевязала. И сникерсом поделилась. Сказала, он волшебный, излечивающий.

– Пфф, вспомнил тоже! Сколько мне было? Лет восемь? Кого я тогда только не лечила. Даже не помню того случая.

– А я помню. Я тогда думал, что ты ненастоящая. Ну, в смысле, не настоящая девочка, а фея. А ты почему не ушла.

– Мой отец никогда бы не бросил Графа. Значит, это не он.

У лестницы залаяли Моника с Бриджит. Эльвира Прохоровна подпрыгивала с ними на руках, всматривалась в спускающихся.

– А где мой муж? И сын. Где Толик?

Родители Макса и Ники отводили глаза.

– Они на другую лестницу попросились, – гоготнул Егор.

– Зачем на другую, если я здесь? Как же так?

Эльвира Прохоровна поникла и как будто даже уменьшилась. Вдруг с надеждой обратилась к Егору:

– Егорушка, а пригласи меня, а?

– Не-не, Эльвира Прохоровна, у меня и так перебор. Вы другого кого попросите.

Родители Макса и Ники поспешили поскорее подняться. Зато к подножию спускался Алексей. На своих ногах.

– Лёшенька, пригласите меня? – Умоляюще проговорила Эльвира Прохоровна.

Он отмахнулся:

– Мне своих сперва надо найти.

Дочь с зятем уже бежали к лестнице.

– Следуйте за нами в мир грёз! – выкрикнул им Алексей.

Они миновали невидимую преграду, обняли его, и все вместе отправились к облакам. На Эльвиру Прохоровну даже не оглянулись.

Римма Генриховна провожала взглядом Ольгу, пока её не

скрыли облака, затем вернулась к ребятам:

– Вы целы? Вот и славно. Не лезьте туда. Чувствую, это ловушка.

К лестнице важно шествовал Марк Феликсович:

– Ну, кто пригласит мэра?

Стоящие на лестнице и у её подножия рассмеялись. Никто не кинул приглашения. Мэр в недоумении чесал бороду. Тут с улицы донёсся вой сирен. Мэр побледнел, бухнулся на колени перед ступенями:

– Братцы, не погубите! Пригласите кто-нибудь, Христом Богом прошу!

– Феликсович, пойдёшь ко мне в лакеи? – ухмыльнулся Егор.

– Да хоть в шуты! Какая разница, перед кем прогибаться! Там хоть не посадят.

– Понятливый ты мужик, – смилостивился Егор. – Следуй за нами в мир грёз!

– Туда ему и дорога, душегубу, – фыркнула Римма Генриховна.

По ступеням спускались всё новые люди и уводили с собой ожидающих у подножия. Эльвиру Прохоровну так никто и не позвал. Она уже не просила, только тихо плакала.

– Мама! Где моя мама? – пронеслось над толпой.

Римма Генриховна встрепенулась, охнула, схватилась за сердце:

– Леночка! Живая!

И как заворожённая пошла к лестнице. Ника с Максом кинулись за ней:

– Стойте! Туда нельзя! Вы же сами...

Но Римма Генриховна не слышала. Лена, ничуть не изменившаяся, ждала её на нижней ступеньке.

Макс схватил Нику за руку:

– Подожди, не надо её останавливать.

– Почему?!

– Как она будет жить, если снова потеряет дочь? Голуби – плохая замена.

Ника подумала и кивнула.

Вокруг не осталось никого из знакомых. Люди уходили в мир грёз, но толпа не становилась меньше: к лестнице шли всё новые желающие найти лучшую жизнь.

Ника потянула Макса к высотке:

– Давай с балкона посмотрим. Графу здесь не нравится.

Они поднялись на пятый этаж. Исход продолжался до ночи. Уходили поодиночке и семьями. К закату поток иссяк. Толпа становилась всё меньше. Наконец последние, получившие приглашение, миновали преграду и начали подъём. Ступени под ними становились прозрачными и исчезали, как только идущие переносили с них ноги. Внизу осталась одна безутешная Эльвира Прохоровна.

К растворяющейся лестнице мчалась скорая. Завизжали покрышки, оставляя на асфальте чёрные полосы. Машина чудом успела встать у края котлована. Из кабины выскочил

человек в белом халате, взобрался на крышу и запрыгал, пытаясь ухватиться за нижнюю прозрачную ступень. Поняв, что проиграл, он сполз на землю и накинулся с упрёками на коллегу:

– Из-за тебя не успели! Дался тебе этот дед. «Не дове- зё-ём», – прогнусавил он, передразнивая. – Надо было с ним сюда гнать.

Товарищ виновато разводил руками:

– Я же не знал, что оно кончится.

– Не знал он, – снова передразнил первый и присел, при- валившись к колесу.

В кабине надрывалась рация:

– Ребята, меня кто-нибудь слышит? Кто-нибудь, отзови- тесь! Вызов с проспекта Победы.

Крикун поднялся со вздохом и ответил:

– Что там?

– Наконец-то! Почему так долго? – обрадованно проши- пела рация.

– Больного доставляли. Сами. Водитель ещё до вызова к лестнице сбежал. Только не спрашивай ничего, говори ад- рес.

– Победы сорок три, пятнадцать. Пациент с высоким дав- лением.

– Принято. Выезжаем.

Виноватый переспросил удивлённо:

– Выезжаем?

Крикун отключил рацию и обернулся к нему:

– Да, блин! А что нам ещё остаётся?

Ника вздохнула:

– Вот и всё. В целом мире осталось пять человек и три собаки.

– Не драматизируй. Есть ещё диспетчер и пациент с давлением. Ник, думаю, осталось намного больше. Не все же пришли к лестнице.

– Наверное. Пойдём домой. Граф со вчерашнего дня не ел.

– Вообще-то, мы тоже.

– Да? Я и не помню.

Ника вдавила кнопку лифта.

– Плохая идея, – покачал головой Макс. – Если мы застрянем, нас некому будет вытащить. Давай по лестнице!

Высотка с тёмными окнами казалась безжизненной. Ника поёжилась.

– А фонари горят. – Макс показал на освещённую улицу.

– Это значит, что на ГЭС остались люди?

– Не знаю. Сейчас всё автоматизировано.

Эльвира Прохоровна по-прежнему сидела у края котлована. Рядом скулили Моника и Бриджит.

– Может, подойдём? Не ночевать же ей здесь, – предложила Ника.

Макс пожал плечами:

– Ночь на улице – не самое страшное. От неё все отверну-

лись, даже семья. Мы её не утешим.

– Пожалуй, на её месте я бы тоже не хотела никого видеть.

– Римма Генриховна, наверное, помогла бы. Но её нет.

Идём, Ник.

Ника проснулась от тишины. Светило солнце, чирикали воробьи, шелестела листва, но не было звуков города. Даже по выходным слышался шум дороги, голоса людей, где-то играла музыка. А сейчас ничего.

По полу зацокали когти Графа. Ника ещё не пошевелилась, а безошибочное собачье чутье подсказало ему, что хозяйка не спит. На соседнем матрасе заворочался Макс, открыл глаза и прищурился от яркого света.

– Ну, здравствуй утро новой жизни, – пробормотал он сонно.

– Тебе не страшно? – спросила Ника.

– Страшно. Но пути назад нет. Придётся жить.

Ника налила воды в чайник, чиркнула спичкой и поднесла к горелке. Вокруг неё разбежались голубые язычки. Газ есть, уже хорошо. И электричество. Макс включил телевизор. На экране появилась пёстрая рябь. Макс переключал каналы, но ничего не менялось.

– Похоже, телевидению конец, – усмехнулась Ника.

– Или им нечего сказать. Посмотри, интернет есть?

Ника достала телефон:

– Нет. Тоже умер.

– Придётся самим добывать информацию. Куда пойдём?

– Макс, а вдруг дом вернулся? Давай проверим!

– С чего бы?

– Ну, если всех забрали, то зачем он им? А мне бы хотелось жить в своей комнате.

– Вступила в новую жизнь и цепляешься за старое? – улыбнулся Макс. – И я бы не спешил. Не факт, что зимой будет отопление. Если выбирать дом, так уж с печью.

К дому они всё-таки пошли. Просто потому, что надо было куда-то идти. По пустынным улицам ветер гонял мусор. Ни машин, ни людей.

– Как после апокалипсиса, – пробормотала Ника чуть слышно, будто боясь голосом вызвать недовольство тишины.

Свободный Граф бежал впереди. Вдруг он застыл напротив въезда в один из дворов. Макс с Никой остановились и прислушались. Из-за домов доносилось отчётливое ширк-ширк-ширк. Они заглянули за угол и тихо рассмеялись: дворник, как ни в чём ни бывало, подметал пустынные дорожки.

Чем ближе к котловану, тем плотнее становилось скопление брошенных машин. Встречались даже с распахнутыми дверями.

– Им что, настолько невоготу здесь было? – недоумевала Ника. – Вроде не бедствовали. Вон, какие машины оставили.

- Они не от бедности бежали, а за мечтой.
- Интересно, нашли они что искали?
- Думаю, мы этого никогда не узнаем.

У входа в супермаркет толпились кошки всех пород и расцветок. Граф дёрнулся было, но тут же вспомнил о благородном воспитании, сел, отводя взгляд от зверьков и делая вид, что в упор их не замечает.

- Чего это они тут собрались? – удивился Макс.

Автоматические двери открылись, выпуская старушку с ходунками. Перед собой она толкала тележку, полную пакетов корма. Макс с Вероникой подбежали к ней.

- А, ребятки, – продребезжала старушка. – Помогите пакетики открыть, а то у меня руки совсем не слушаются.

Она растопырила раздутые артритом пальцы.

- Конечно, поможем. – Ника принялась открывать пакетики. – Это что, ваши кошки? Все?

– Нет. Их оставили. Не нужны они в мире грёз.

– А вы почему не ушли со всеми? – спросил Макс.

– Меня дети забыли. А сама бы я не дошла.

– Попросили бы кого-нибудь отвезти.

- Зачем? – отмахнулась старушка. – Раз дети обо мне не вспомнили, значит, не заслужила я рая.

– Думаете, там рай?

Старушка замолчала, втянула тонкие морщинистые губы и смотрела на кошек. Наконец тихо проговорила:

– Я думаю, это сама Земля людей с себя стряхнула. Отравили мы её унынием, усталостью, вечными жалобами. Вот она и отправила всех за счастьем.

– Почему же тогда мы остались? – спросила Вероника.

– Я осталась, чтобы о них заботиться. – Старушка показала на кошек. – А вы зачем – сами ответьте.

Макс собрал в тележку пустые пакетики. Сытые кошки разбежались по своим делам.

– Бабушка, вам помочь до дома добраться?

– Чего мне там делать? – хитро прищурилась старушка. – Хватит, насиделась! Мне теперь везде дом.

И пошла по улице, царапая асфальт ходунками.

Макс посмотрел на двери супермаркета:

– Ник, подожди меня здесь. Дело есть.

– Какое дело? Я с тобой.

– Ладно, идём.

В магазине было пусто, но свет горел, на полках в обычном порядке лежали товары. Макс взял на кассе два больших пакета и отправился к прилавкам со вчерашним, уже зачерствевшим хлебом.

– Без Риммы Генриховны голубей некому кормить, – пояснил он.

– Макс, а правда, для чего мы остались?

– Я – чтобы о тебе заботиться.

– А я о тебе?

– Обо мне, о Графе, о голубях.

– Как-то это неправильно. Мои родители всегда знали, чего хотят, но они исчезли. А я, разброд и шатание, здесь.

– Может, Земле и нужны такие. Которые ищут. Ник, я сам ничего не знаю. Идём к голубям, а то они заждались.

Дом не вернулся. Вместе с лестницей из котлована исчезла и паутина. Его стены утратили глянец, стали самыми обычными, с осыпавшимся грунтом. Макс подцепил носком кроссовка булыжник и скинул в котлован:

– Скоро он зарастёт чапыжником, и никто никогда не узнает, что здесь был дом.

– И узнавать будет некому. – Ника посмотрела на парковку. Жёлтая машина Егора покрылась слоем пыли, утратила яркость. – Тут всё такое... Будто уже в прошлом. А где Эльвира Прохоровна?

– Не знаю. Давай голубей накормим и поищем.

Голуби ждали Римму Генриховну на прежнем месте. Им было невдомёк, что мир со вчерашнего дня перевернулся. Они так же жадно хватали хлеб из незнакомых рук и ворковали благодарность на своём языке.

Эльвиру Прохоровну нашли во дворе детского сада. В грязном розовом кардигане и в очках с зелёной оправой, она бродила от песочницы к песочнице и собирала забытые со-вочки, ведёрки и формочки для куличиков. За ней понуро плелись Моника и Бриджит. Ребята наблюдали за ними че-

рез прутья ограды.

– Интересно, а для чего она Земле? – спросила Ника.

Макс пожал плечами, собирался ответить, но тут к воротам подкатила машина. Из неё выскочила женщина, вытащила с заднего сиденья девочку лет четырёх и побежала к Эльвире Прохоровне, тараторя на ходу:

– Я так боялась, что все воспитатели ушли. На работу опаздываю, а ребёнка не с кем оставить. – Она опустила девочку в песочницу. – Это Даша. Мы в группу к Маргарите Юрьевне ходили.

Эльвира Прохоровна в растерянности смотрела на женщину:

– Вы на работу пойдёте?

– Конечно! Лошади сами о себе не позаботятся.

– Лошади?

– Ну да. Я в школе верховой езды работаю.

Даша тем временем выбралась из песочницы и вложила ладошку в руку Эльвиры Прохоровны. Та посмотрела на девочку и вдруг улыбнулась:

– Вы езжайте, чтобы не опоздать. А мы с Дашей сейчас кашу сварим. Вы не переживайте, мы справимся.

Женщина поцеловала дочь и побежала к машине.

Макс улыбнулся:

– Не так уж Прохоровна и безнадёжна. Ник, мне ведь тоже на работу надо.

Ника посмотрела с удивлением:

– У тебя тоже лошади?

– Нет, у меня реставрация исторического центра. Я там, правда, черноработчим на подхвате, но кое-чему научился. Не знаю, кто из мастеров остался, но я должен идти. Надо же наследие для потомков сохранить.

Ника кивнула:

– Раз надо, то иди.

– А ты куда? В универ?

Ника подумала, покачала головой:

– Нет. Кому она теперь нужна, эта экономика. Я в больницу пойду. Там же остались те, кто не смог добраться до лестницы. Им, наверное, помощь нужна.

– Хорошее дело. Ник, а в больницу с собакой могут не пустить. Пускай Граф со мной идёт?

Ника потрепала Графа по холке и передала Максу поводок.

– До вечера, – улыбнулась она.

Ника шагала в сторону больницы. Потому что сама впервые решила, что ей делать. Растерянность никуда не делась, но теперь кроме неё появилось чувство чего-то важного, нужного для всех и для самой Ники. А над Былинском сияло старое солнце и освещало дорогу в новую жизнь.